

его (Киприана, — Л. Д.) произведениях замечается стремление к ограничению княжеской власти и к отделению церкви от государства; на защиту великого князя и на защиту Москвы он выступает только тогда, когда это оказывается для него положительно необходимо. Этому направлению его литературных работ не противоречит и его деятельность».¹⁵ На такой же точке зрения стоял и А. Е. Пресняков: «Его (Киприана, — Л. Д.) победа в этой борьбе (за митрополичий стол, — Л. Д.) получила особое значение в истории великорусского великого княжения, потому что Киприан с единством митрополии связал тенденцию к независимости всей церковно-политической деятельности митрополита от великокняжеской власти».¹⁶ А. Е. Пресняков считает, что с укреплением Киприана на митрополичьем столе «пришлось — на ряд долгих лет — отказаться от политической солидарности с митрополией, от ее мощных услуг; упущено из рук великого князя замещение митрополичьей кафедры желательным для светской власти кандидатом, оборвано развитие традиций митрополита Алексея, придавших митрополии, в значительной мере, характер великорусской государственной церкви».¹⁷ Такая же точка зрения наличествует и в более поздних, современных исторических работах, в частности в «Очерках истории СССР».¹⁸

Иначе оценивают значение Киприана в русской истории болгарские ученые, считая, что он сыграл положительную роль в деле объединения Русского государства вокруг Москвы.¹⁹ Из русских ученых подобную позицию занимал И. Жданов, который отмечал, что Киприану в своей церковной деятельности «приходилось считаться с задачами и стремлениями московского правительства, с вероисповедными, выдвигающимися движением русской государственной жизни».²⁰

Рассматривая вопрос о том, почему московские великие князья смогли закрепить местопребывание митрополита в Москве, и приводя мнение Пл. Соколова, предполагавшего, что московские князья предоставили митрополитам особо важные льготы по сравнению с другими княжествами, М. Н. Тихомиров добавляет: «Но дело было не только в одних льготах, предоставленных митрополиту, а в том, что московские князья обладали достаточной реальной силой, чтобы поддержать угодных для них кандидатов на митрополичий престол».²¹ Обстоятельства борьбы Киприана за русскую митрополию должны были наглядно показать ему эту реальную силу великих князей московских в делах митрополии. Киприан прекрасно понимал, что митрополитом всея Руси мог быть только митрополит, занимающий московскую кафедру. В своем втором послании к Сергию и Фе-

¹⁵ Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира святого до конца XVII века. Пгр., 1916, стр. 147.

¹⁶ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пгр., 1920, стр. 359.

¹⁷ Там же, стр. 363.

¹⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 234.

¹⁹ См.: Петър Диневков. Стара българска литература, втора част. Държавно издателство «Наука и изкуство», София, 1953 (далее: Диневков), стр. 85—88; В. Сл. Киселков. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956 (далее: Киселков), стр. 213—230; Иванов, стр. 25—79. И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. Сборник статей. М., 1961 (далее: Снегаров), стр. 260—269.

²⁰ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследование и материалы. СПб., 1895, стр. 105.

²¹ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 183.